

Интеллектуальная элита и реформы в России: некоторые обобщения

Услышанное на симпозиуме и отчасти прочитанное в тезисах оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, вроде бы нет недостатка в оригинальных идеях, резких подходах, масштабных построениях. В России всегда хватало творческих людей. И тем не менее в связи со многими выступлениями не покидает ощущение неудовлетворенности: действительно конструктивных идей набирается не так уж много.

Здесь, на мой взгляд, подтверждается одна примечательная закономерность нашей истории: подходит время реформ, а общество, прежде всего его мыслящая часть, оказывается к ним не готовым. Об этом однажды очень точно сказал В.О.Ключевский. "Закон жизни отсталых государств среди опередивших, — отметил он в своей записной книжке, — нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро"*.

"Закон", который сформулировал Ключевский, действительно характерен для стран так называемой запоздалой модернизации, к которым относится Россия. "Ускоренное движение вдогонку" для них остро необходимо, поскольку более развитые страны являются для них не только примером, но и угрозой. Однако внутренние предпосылки для модернизации в обществах периферии слабее, чем в странах центра, — как в широких слоях населения, так и в интеллектуальной элите. (Ключевский, правда, говорит о "народе" в целом, но он явно имел в виду и его образованный слой — ведь реформы инициируются и проводятся в жизнь прежде всего интеллектуалами; кроме того, Ключевскому не было свойственно популистское разграничение "народа" и "интеллигенции".)

Между тем роль интеллектуального авангарда в странах позднего развития особенно важна. Он действует в обществе, где ценности модернизации и ее институты еще не успели прочно укрепиться. Исторические же сроки, отпущенные на модернизацию, очень коротки, а всякое форсированное развитие чревато различными дисбалансами и социальными конфликтами. Что же требуется реформаторам для успеха в этих условиях? Во-первых, какой-то минимум поддержки в общественном мнении и структурах власти. Во-вторых, то, что можно назвать профессионализмом, — адекватное осознание целей реформ, возможностей и механизмов их осуществления, способность реалистически оценивать ближайшие и отдаленные последствия реформ для общества — как позитивные, так и негативные. Профессионализм предполагает не просто некоторую сумму знаний или даже изучение аналогичных реформ в других странах, но, главное, понимание того, как

* Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы, мысли об истории. М., 1968. С. 316.

рецепты, взятые из иного опыта, могут быть применены в конкретных условиях собственной страны, в контексте соответствующих социальных и культурных традиций.

Если деятельность реформаторов не находится на уровне этих требований, приходится констатировать, что национальная интеллектуальная элита не готова к своей миссии. Тогда "перенимание чужого" проходит и "наскоро", и неэффективно. Оно не только не приносит пользы обществу, но способно нанести ему даже значительный вред. Именно это не раз случалось в процессе реформ в России за последние два века. Вспомним, к примеру, М.М. Сперанского. Его, конечно, трудно упрекнуть в непрофессионализме — все знавшие его признавали за ним выдающийся государственный ум. Но он был, по существу, реформатором-одиночкой. Свою грандиозную программу преобразований (отмена крепостного права, разделение властей, введение представительного правления) он рассчитывал осуществить, опираясь лишь на личную поддержку царя. Но Александр I был либералом больше платоническим. Аристократическое окружение императора ненавидело выскочку Сперанского (он был родом из сельского духовенства), опасаясь его влияния на царя. В результате Сперанский был смещен и сослан в далекую провинцию. По возвращении, наученный горьким опытом, он уже не брался ни за какие реформы.

Однако дело заключалось не только в отсутствии социальной базы для реформ. Идеи Сперанского были непонятны и многим образованным россиянам: слишком уж они контрастировали с реальной российской действительностью того времени. "Он взглянул на наше отечество, — писал тот же Ключевский, — как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения"*.

План был тщательно продуман, логичен, но неисполним. Будучи поклонником английской политической системы, Сперанский в значительной мере переводил ее категории на русский язык. Но Россия не была Англией.

Взглянем теперь на реформы 60-х годов XIX в., прежде всего на крестьянскую реформу. Эти преобразования, означавшие вступление России в эру буржуазной модернизации, проводились в относительно благоприятных условиях политической стабильности, единодушной в целом поддержки общественного мнения, не слишком серьезного сопротивления со стороны помещиков. В подготовке реформы инициативу сумели захватить либерально настроенные чиновники во главе с Н.А.Милютиным, имевшие поддержку самого царя.

А итогом явился "Манифест" 19 февраля 1861 г., которому сначала современники, а затем потомки предъявили серьезные претензии. В самом деле, хотя крестьяне были освобождены с землей, но от их участков была отрезана часть земли в пользу их бывших хозяев. Сроки проведения реформы были растянуты на полвека, в течение которых крестьяне должны были выкупать собственную землю по очень высокой цене. Они оказались прикрепленными к земле через механизм общины, их зависимость от помещиков во многом сохранялась. Хозяйственное положение значительной массы крестьян не только не улучшилось, но даже ухудшилось.

* Ключевский В.О. Соч. М., 1958. Т. V. С. 218—219.

Почему же так получилось? Конечно, на реформаторские круги оказывалось постоянное давление со стороны консервативного дворянства. Однако и в этой объективной реальности существовали варианты. Первый был связан с величиной выкупа, который превышал, в пересчете на годовое исчисление, а по некоторым губерниям значительно, размер прежнего оброка. Уровень эксплуатации крестьянства увеличился! Между тем в Пруссии или в Австрии, где проводились сходные аграрные реформы, государство стремилось снижать стоимость выкупаемой крестьянами земли (в Австрии, например, она была в три раза меньше рыночной цены). Реформаторы там справедливо полагали, что если крестьянство экономически окрепнет, то государство возьмет с него "свое" через налоги. В России же, благодаря тяжести выкупа и других фискальных платежей, основной массе крестьянства был практически закрыт путь к рентабельному хозяйству и предпринимательству.

Второй момент касался общины. В принципе решение сохранить ее имело основания — в переходный период община действительно могла выполнять функции амортизатора, защитника интересов крестьянства. Но вряд ли была оправдана чрезмерная жесткость закрепления общинной формы — например, обусловливание выхода из общины согласием двух третей сельского схода или специальным решением Министерства внутренних дел. Ведь крестьянство в своей массе и так держалось за общину. А вот дать возможность некоторой, небольшой его части перейти к самостоятельному хозяйству, по-видимому, было целесообразно. В этом случае к началу следующего столетия в России порядка 10% крестьянских хозяйств могли бы уже стать фермерами, что значительно продвинуло бы процесс аграрной модернизации и облегчило проведение реформ столыпинского типа.

Возможно, в вопросе об общине, как отмечал Г.Х.Попов, сказалось стремление обеспечить интересы чиновников: ведь община с ее принципом круговой поруки была идеальным инструментом фиска. Но играла немалую роль и просто недостаточная интеллектуальная, профессиональная готовность реформаторов. Например, слабо изучался опыт аграрных реформ в других странах — исключением были, пожалуй, лишь такие деятели, как В.А. Черкасский и А.Я. Соловьев. Не слишком продуманной выглядела концепция финансового механизма проведения реформ. Скажем, не было предусмотрено развитие крестьянских банков для обеспечения сельскохозяйственного производства дешевым кредитом.

Последствиями этих просчетов реформы стали хроническое отставание аграрного развития от промышленного, социальные дисбалансы между городом и деревней. Это не только тормозило процесс модернизации, но и стало главным детонатором в революциях начала XX в. Существовавшие экономические и социальные противоречия в стране серьезно затруднили деятельность таких крупных реформаторов в России, как С.Ю. Витте и П.А.Столыпин. Последний не случайно говорил о двадцати годах социального мира, необходимых для проведения реформ в России. Но их уже не оказалось.

Можно сказать еще несколько слов о попытке политических реформ в 1905—1907 гг., связанных главным образом с деятельнос-

тью кадетской партии. Последняя вобрала в себя, безусловно, значительную часть интеллектуальной элиты в России. Но социальная база кадетов была весьма узкой. Очень слабы были их связи с национальной буржуазией, земскими элементами. Что же касается массового электората, то когда после разгона I Думы кадеты опубликовали "Выборгское воззвание", надеясь на массовый протест снизу, но не встретили практически никакой поддержки.

И это не было случайностью. Будучи в основном элитарной, "профессорской" партией, кадеты полагали, что достаточно выдвинуть те или иные "правильные" демократические лозунги (например, требование "ответственного министерства" и др.), как демократические институты в России будут созданы. Это дало основание В.А. Маклакову позднее в своих воспоминаниях упрекать своих коллег по кадетской партии в нежелании найти конкретные пути строительства демократических институтов в российских условиях: они смотрели "на Россию как на *tabula rasa*, на которой в известный момент будет почему-то, как-то и кем-то строиться новый строй по последним рецептам теории"*.

В результате попытка "вдруг" создать демократические структуры оказалась неорганичной. Кроме того, по-видимому, не были использованы в полной мере возможности союза демократов с конструктивными силами внутри бюрократии (людьми типа Столыпина). С другой стороны, явно была недооценена опасность левого политического экстремизма. Все это подвело роковую черту под коротким периодом политической демократии в России.

Похожие слабости, хотя и в иной исторической ситуации, мы видим у реформаторской элиты в посткоммунистический период после 1985 г. Здесь Кургинян говорил** о возможности "прорыва" в постиндустриальное общество в период Андропова—Горбачева, хотя шанс на это, по его мнению, составлял не более 0,5—1%. Я предпочел бы назвать это скромнее — контролируемым переходом от административной экономики к рыночной (или смешанной), но процент вероятности осуществления таких преобразований под эгидой КПСС, действительно, был крайне мал.

Почему удалось, например, китайцам, пожалуй, наиболее успешно среди всех бывших социалистических стран, провести экономическую реформу в рыночном направлении? На мой взгляд, дело не только в некоторых благоприятных факторах (возможность ввести в деревне привычную для крестьянства форму семейной аренды, наличие сильной диаспоры бизнесменов китайского происхождения), которые облегчили проведение реформы в Китае и которые отсутствовали в России. Многие определило также разное "качество" китайской и советской коммунистической элиты.

В Китае еще сохранились некоторые элементы национальной политической культуры, сформировавшейся со времен Конфуция. Во-первых, традиция политического компромисса, которая основывалась на высоком статусе чиновника, управителя ("цзюн цзы" — мудрый муж). Во-вторых, еще с древности была выработана формула "сильное государство — богатый народ", в которой

* Цит. по: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762—1914. Париж, 1980. С. 499.

** См. материалы специальной сессии в Приложении.

могущество государства связывалось с благосостоянием подданных. На этой формуле основывалась, например, гоминьдановская концепция "государства народного благосостояния", которая в конце концов была реализована на Тайване. Но и среди китайских коммунистов всегда была сильна линия так называемых прагматиков (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, наконец Дэн Сяопин). Иначе говоря, реформистские идеи в Китае обладали высокой степенью легитимности благодаря их укорененности в национальных культурных традициях. Как только после смерти Мао прагматики получили шанс, они быстро нашли поддержку в партии и стране.

Россия же в XX в. проходила через постоянное разрушение предшествующих культурных и политических традиций. Десятилетия репрессий, периодических чисток и номенклатурной дисциплины вытравили из правящего слоя прагматически ориентированных, да и просто сколько-нибудь мыслящих людей. Робкие попытки реформ в период Хрущева и Брежнева были заблокированы партийно-государственным аппаратом. Неудивительно, что Горбачев и его немногие сторонники натолкнулись на непонимание в партийной среде. Казалось бы, с приходом к власти демократически ориентированных деятелей после неудавшегося прокоммунистического путча в августе 1991 г. реформы пойдут успешней. Но получилось иначе.

Сейчас, по прошествии трех лет, уже вполне можно подвести определенные итоги монетаристской экономической политики "Гайдара и его команды". Нельзя сказать, что данный курс не дал обществу каких-либо позитивных импульсов. Может быть, одним из полезных сдвигов было преодоление трудного психологического рубежа "рынокобоязни", когда на некоторых предприятиях и индивидуально люди стали поневоле обращаться к предпринимательству как к средству выживания. Однако негативные последствия реформ явно перевесили положительные.

Либерализация цен и экспорта в чрезвычайно диспропорциональной экономике, доставшейся в наследство от социалистического периода, жестко разделила народное хозяйство на выигравших и проигравших. К первым относятся прежде всего сырьевые и материалопроизводящие отрасли (нефть, энергетика, металл, лес и др.), которые могли экспортировать часть продукции за рубеж, и в большей или меньшей степени, подтянуть свои цены к мировым. К ним примыкает слой посредников, связанных с коммерческим кредитом, торговлей, в первую очередь с экспортно-импортными операциями. Под эти группы была сориентирована и валютная политика, построенная на постоянном искусственном занижении курса рубля, что давало возможность получать прибыли на спекулятивных операциях по обмену валют.

Проигравшими оказались большинство секторов, работавших на внутренний рынок, — обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, сфера социальных услуг и др., зависимые от производителей сырья. Ограниченные рамками внутреннего спроса, они неизбежно проигрывали в гонке цен. В тяжелом положении оказался военно-промышленный комплекс. Дело не столько в сокращении военных заказов (что и необходимо, и полезно), сколько в ограниченных возможностях конверсии в этой ситуации, угрозе гибели высокотехнологических производств, которые, по преимуществу,

сосредоточены в оборонной отрасли. Никакой сколько-нибудь продуманной программы конверсии не было разработано.

Одновременно Правительство, стремясь любой ценой сбалансировать бюджет, установило столь высокие нормы налогов (до 80% прибыли), что основная масса предприятий лишилась возможностей накопления и фактически была поставлена на грань убыточности. Все эти налоги, попросту, не могли быть собраны, так же, как не был сбалансирован бюджет. Вообще, очень быстро выяснилось, что Правительство не в состоянии осуществлять свой курс последовательно. Вопреки монетаристским декларациям, оно все же было вынуждено кредитовать многие предприятия, а также частично индексировать доходы населения. Но это привело к тому, что инфляционная спираль "зарплата—цены" раскручивается без конца.

Социальные последствия российской "шоковой терапии" оказались весьма серьезными. По разным обследованиям и оценкам (точной статистики в России сейчас нет), примерно 10—12% населения по своим доходам относятся к категории сравнительно и очень богатых. Еще 12—14% существуют более или менее терпимо. Зато остальные попали в очень сложную ситуацию. За чертой официально признаваемого уровня бедности оказалось более половины жителей России. Социальная дифференциация намного возросла по сравнению с коммунистическим периодом.

Возникает вопрос: каким образом молодые реформаторы, производившие впечатление людей квалифицированных и гораздо более образованных, чем предшествующие руководители, могли выдвинуть такую концепцию реформ, которая привела к столь очевидным неудачам?

Ведь многое из того, что произошло, было не так уж сложно предвидеть заранее, зная те экономические структуры, которые сложились при социализме: вероятность монополистического поведения производителей в случае либерализации цен, возможность доминирования сырьевых отраслей и др. Наконец, можно было уже в ходе реформы произвести необходимые коррекции. Однако реформаторы предпочитали с удивительным упорством держаться за принятые схемы. Они объясняли кризисные явления тем, что им не дают последовательно проводить свою политику (хотя последовательный монетаризм в российских условиях привел бы к остановке чуть ли не половины национальной экономики и социальному коллапсу). Они доказывали, что экономическая политика государства должна состоять лишь в использовании финансовых рычагов, а структурная перестройка экономики будет осуществляться сама собой, через стихийные рыночные механизмы, — между тем как опыт практически всех стран, успешно осуществивших переход к рынку (Тайвань, Южная Корея, Индонезия, Китай и др.), свидетельствует: государство, государственное регулирование везде играло чрезвычайно важную роль в формировании рыночных структур. -

К сожалению, профессионализм постсоветских реформаторов оказался чисто внешним, книжным, не основанным на знании той реальной действительности, с которой производились эксперименты. Опыта практического управления экономикой они не имели. Да и за их претензиями на научный подход скрывалась идеология,

догматическая вера во всемогущество рынка — так же, как раньше доминировала идеологическая вера в плановую экономику.

Но было бы наивно объяснять негативные последствия реформы лишь интеллектуальными просчетами ее теоретиков. Реформа во многом направляется силами, преследующими вполне определенные интересы. Распад коммунистической системы еще в годы перестройки привел к формированию новой, постсоциалистической элиты. В нее вошла значительная часть прежней номенклатуры, которая обладала огромными связями и доступом к государственным (теперь уже фактически ничьим) ресурсам. К ней примкнули представители "теневой экономики", охотно пошедшая в бизнес молодежь (экономисты, финансовые работники, технические специалисты) и различного рода криминальные элементы, обеспечивавшие необходимое силовое прикрытие. Данные группы оккупировали значительную часть российского экономического пространства, связанного прежде всего с посреднической деятельностью. Эти группы прямо выигрывают от ситуации экономического хаоса, нараставшего в период перестройки и после нее. Они в значительной мере сращены с госаппаратом и имеют возможность лоббировать реформы в нужном им направлении.

Парадокс нынешних реформ состоит в том, что проводимая политика экономической либерализации, "по идее", направленная на рыночные преобразования, производит обратное действие. Происходит постоянное падение производства. Создан лишь узкий рынок предметов роскоши и дорогих услуг, главным образом на базе импорта. Подавляющая часть общества обречена на псевдорынок, где цены и товарные потоки контролируются посредниками, а не производителями. По некоторым оценкам, 75—80% совокупной прибыли в российской экономике приходится на торговые операции — по сравнению с 65—80% прибыли, получаемой в сфере производства в развитых странах*.

Ситуация настолько обострилась, что даже Гайдар (правда, уже уйдя из Правительства) заговорил о компрадорском капитале, о миллиардах, утекающих за границу в результате экспорта сырья и т.п. Но при этом не говорится ни слова о том, что именно монетаристские реформы стимулировали паразитические явления в экономике и обществе.

Это отсутствие политической ответственности и того, что можно было бы назвать психологией государственного человека, сочетается у постсоциалистических реформаторов с поразительным, доходящим порой до наивности (или цинизма) нарциссизмом. Они охотно дают интервью, позируют фотографам. Они рекламируют свои идеи как последнее слово экономической науки и презрительно третируют любого, кто заикнется о каком-то государственном регулировании, как реставратора командно-административной системы. Они упиваются своей властью, которой на деле не существуют. Это — типичное поведение бывших аутсайдеров, наконец-то прорвавшихся наверх. Да и все их новаторство, по сути, построено на простенькой идее разрушения — в духе того, как говорил в свое время тургеневский Базаров: прежде чем строить, надо "сначала место расчистить". Но никогда разрушение не выполняло конструктивных функций.

Деловой мир. 1992. 12 декабря.

Но, может быть, еще тревожнее другое: до сих пор нет скольконибудь альтернативных программ реформ. Выдвигающиеся проекты постепенного перехода к рынку с применением элементов госрегулирования (от программ "Гражданского союза" до недавнего "проекта академиков") страдают недостаточной конкретностью, обилием простых лозунгов и пожеланий (социальной защиты населения в процессе реформ, ликвидации инфляции и т.д.) без указания на те механизмы, при помощи которых эти пожелания можно было бы реализовать. Это можно объяснить отчасти большой объективной сложностью российской ситуации, из которой действительно нелегко найти вывод. Но будет резонным и другой вывод — о недостаточной готовности интеллектуальной элиты в России к реформам. Может быть, даже более резко: об явно обозначившемся интеллектуальном и во многом моральном банкротстве нынешней генерации российских реформаторов.

Мне могут возразить, что критиковать всегда легче, чем делать. Увы, сказанное — не столько критика, сколько горестная констатация. И в какой-то мере — самокритика. Я принадлежу к поколению "шестидесятников", которые немало способствовали процессу изменений после 1985 г., и разделяю ответственность за то, что результаты этих изменений далеко разошлись с первоначальными замыслами. Неудача как моих сверстников, так и следующих за ними по возрасту деятелей, не доставляет мне никакой радости. Ясно лишь, что тупик, в который зашли реформы в России, не будет преодолен, если не придут новые интеллектуалы с новыми идеями. Или, по крайней мере, пока те из "нынешних", которые профессионально пригодны, не возьмутся — но всерьез! — искать "свет в туннеле". Без оглядки на существующую конъюнктуру, без опасений, что их не услышат "наверху".